

ПРОГУЛКА ПЕРВАЯ

**БОБ ДИЛАН:
СЛАДКАЯ МЕСТЬ**

Две самые громкие вещи, которые я слышал в своей жизни, — это товарный состав и Дилан с The Band ^[1].

Марлон Брандо

ПРОЛОГ

Анализируя в многочисленных исследованиях воскресный вечер 25 июля 1965 года, историки до сих пор не могут сойтись во мнении: действительно ли Боб Дилан прибыл в Ньюпорт, имея твердое намерение выступить с «электрической» группой?

Ежегодный Ньюпортский фолк-фестиваль был основан в 1959 году, и с тех пор превратился не только в бастион фолк-музыки, но и в трибуну движения за гражданские права. Дилан дебютировал на фестивале в 1963 году. Это была заключительная часть концерта — и самая памятная. Отыграв небольшой акустический сет, он уступил место фолк-трио Peter, Paul & Mary, которые исполнили свою версию дилановской "Blowin' In The Wind", после чего под оглушительные аплодисменты пригласили на сцену автора, а также других лидеров фолк-движения — Пита Сигера, Джоан Баэз, Теодора Бикеля и вокальную группу The Freedom Singers. Выстроившись на сцене в единую цепь и скрестив руки, музыканты исполнили проникновенную версию "We Shall Overcome" — и не приходится сомневаться, что в этот момент у многих зрителей подкатил к горлу ком.

Увы, к 1965-му году в этом прекрасном единстве были заметны серьезные трещины. Смуту начал

27-летний Питер Ярроу — тот самый Питер из Peter, Paul and Mary. Он входил в оргкомитет фестиваля, который в 1965-м включал, среди прочих, Тео Бикеля (41 год), фолк-певицу Джин Ритчи (42 года), Пита Сигера (46 лет) и известного фольклориста Алана Ломакса (50 лет). В программе фестиваля значились выступления известных фолк-героев, уважаемых исполнителей блюза, госпела и кантри, а также аутентичных исполнителей самой что ни на есть «корневой» музыки. Ярроу же имел дерзость пригласить в это респектабельное общество юнцов из группы The Paul Butterfield Blues Band. Они играли энергичный электрический блюз и только начали работать над своим дебютным альбомом. Дополнительной остроты ситуации придавал тот факт, что менеджером Peter, Paul and Mary, а значит, и Питера Ярроу, был одиозный персонаж по имени Альберт Гроссман, имевший планы взять под свою опеку группу Баттерфилда. Консервативное фолк-сообщество считало Гроссмана расчетливым и нахальным дельцом, который зарабатывает деньги на музыке протеста, при этом подвергая растлению честных фолк-исполнителей своими богемными вечеринками и немалыми гонорарами. По словам продюсера Джо Бойда, ходили слухи, что в погребке у Гроссмана «с тщанием знатока и ценителя была собрана самая забористая марихуана со всех уголков земного шара»^[2]. Среди тех, кого Гроссман подвергал «растлению», были не только Peter, Paul and Mary, но и Боб Дилан — главная надежда американской фолк-сцены. Теперь же получалось, что Гроссман, действуя через Ярроу, пытается протащить «своих».

В конечном счете оргкомитет сдался и скрепя сердце позволил The Paul Butterfield Blues Band выступить на ньюпортском фолк-празднике. Однако первое же их выступление, состоявшееся в субботу, 24 июля (на третий день фестиваля), привело к скандалу. Алан Ломакс недовольно наблюдал за тем, как на маленькую сцену блюзовой «мастерской» выгружались батареи колонок и усилителей. Когда Ломакс вышел к микрофону, чтобы объявить выход 22-летнего Баттерфилда сотоварищи, его сарказм был очевиден. Звукорежиссер Пол Ротшильд рассказывал, что Ломакс вспомнил «прекрасных блюзменов, которым приходится находить себе старую коробку от сигар, прикреплять к ней палку, цеплять струны и сидеть под деревом, исполняя блюз для самих себя», после чего перешел к сути дела: «Сейчас вы услышите группу молодых ребят из Чикаго с электрическими инструментами. Давайте посмотрим, умеют ли они вообще играть на такой аппаратуре»^[3]. Когда Ломакс сошел

со сцены, ему пришлось пройти мимо Гроссмана, который недовольтно бросил: «Это была хрень какая-то, а не представление группы, Алан!». Ломакс отпихнул Гроссмана, и в следующий момент вся благовоспитанная публика увидела, что «двое дородных седовласых мужчин»^[4], сцепившись, начали кататься в пыли. Но, как показали дальнейшие события, это был лишь первый порыв надвигавшейся бури.

Главную интригу фестиваля представляло выступление Боба Дилана. Среди зрителей ходили самые разные слухи о местонахождении народного фолк-героя и о той программе, которую он представит зрителям. «Круги возбуждения пошли среди молодых городских любителей фолка; домыслы висели над фестивалем, будто облако амфетаминового газа», — вспоминал Бойд. Впрочем, беспокойство любителей фолка вполне можно было понять — Боб уже долгое время отказывался «шагать в ногу» и подавал в окружающую среду довольно странные сигналы.

«НЕ СЛЕДУЙТЕ ЗА ВОЖДЯМИ»: ДИЛАН УХОДИТ В УКЛОНИЗМ

К концу 1963 года Дилан был признан новым лидером фолк-движения, новой надеждой идеологов протеста и борцов за мир; он был поэтом-лауреатом, к ногам которого сыпались всевозможные награды и почести. Однако, получая в декабре награду за свои заслуги от Чрезвычайного комитета гражданских свобод (Emergency Civil Liberties Committee), он обрушился на зрителей с язвительной речью, сообщая, что «это мир молодых», что аудитории следует «быть на пляже», вместо того чтобы просиживать свои штаны на этом официальном мероприятии, и (намекая на возраст и лысины присутствующих) объявил, что хотел бы увидеть в зале людей с волосами. Разразился скандал, и Дилану пришлось извиняться за свое поведение в открытом письме. Письмо, однако, больше напоминало не извинение, а обещание продолжать в том же духе: «Я автор и певец слов которые я пишу я не рупор и не политик / и мои песни говорят за меня потому что я сочиняю их / в одиночном заключении своего сознания и мне не нужно справляться

ни с кем / кроме смг себя»*. Подобный выплеск можно было бы списать на лишнюю рюмку или приступ дурного настроения и не беспокоиться — коль скоро новые пластинки вспылчивого музыканта продолжали соответствовать духу протестного движения. Однако вскоре он начал обозначать свой уклонизм не только в письмах, но и в песнях.

Боб Дилан (1964): «Я не хочу больше сочинять для людей. Понимаете — быть рупором. Я хочу писать изнутри»^[6].

В августе 1964 года, после серьезного, правдивого и безжалостного альбома "The Times They Are A-Changing", Дилан выпустил довольно легковесную и, казалось, нарочито неряшливую пластинку "Another Side Of Bob Dylan". После всех своих сердитых и злободневных песен Боб зазвучал неожиданно лирично, весело и чудно. Новые песни отражали новые увлечения Дилана: психоделический наркотик ЛСД, группа The Beatles, а также немка по имени Криста Паффген (известная как Никко) — Боб провел с ней приятный отпуск в Европе. Битлы, с которыми Дилан познакомился лично вскоре после Никко, уже давно поражали его своими песнями. Несколько лет спустя он заявлял, что The Beatles «делали то, чего никто не делал. Их аккорды были дикие, просто дикие. А их вокальные гармонии оправдывали все это... Я знал, что они показывают направление, в котором должна двигаться музыка»^[7]. Влияние был обоюдным: теперь не только Джон Леннон по совету Дилана начал «прислушиваться к словам»^[8], но и сам Дилан внял призыву "I Want To Hold Your Hand". Открывая свой новый альбом, он сообщал: «Все, что я хочу — дружить с тобой».

Чтобы понять, какую волну возмущения вызвала даже такая, сугубо акустическая пластинка, как "Another Side Of Bob Dylan", достаточно почитать открытое письмо, опубликованное в фолк-журнале "Sing Out!" («Запевай!») редактором Ирвином Силбером: «...Ты заявил, что ты никогда не был исполнителем песен протеста... но любой сочинитель, который пытается честно глядеть на реальность, в этом мире обречен сочинять "песни протеста"... Американская Машина Успеха пережевывает и выплевывает по одному

* При переводе предпринята попытка сохранить авторскую орфографию и пунктуацию (кстати, вполне напоминающую дух современных сетевых авторов).

гению в день, и она по-прежнему ненасытна... Посредством сомнительной популярности, быстрых денег и статуса [истеблишмент] лишает исполнителя возможности действовать и развиваться. Этого процесса нужно постоянно остерегаться и бороться с ним. Задумайся об этом, Боб»^[9].

К сожалению, Боб, видимо, не выписывал журнал "Sing Out!" или просто не хотел задумываться. В марте 1965 года он пошел еще дальше — выпустил свой первый лонгплей с электрогитарами и ритм-секцией*. Одна сторона альбома "Bringing It All Back Home" была электрической, другая — акустической. Это были уже не шутки. Первый же номер звучал как зуботычина всем защитникам фолка — или как песня протеста против песен протеста. Ритм и настроение композиции "Subterranean Homesick Blues" многое заимствуют у старинного рок-н-ролла "Too Much Monkey Business" Чака Берри, однако у Дилана и продюсера Тома Уилсона получилась гораздо более злая и «заряженная» запись. В то время как Берри обогащает свою композицию многочисленными ритмическими сбивками, "Homesick Blues" отличает беспощадный и однообразный бит — и такой же монотонный вокал: Дилан как из пулемета равнодушно поливает слушателя очередью едких, ритмичных, парадоксальных, сюрреалистических образов, посланий и ассоциаций; что-то на тему козней правительства, разгона протестов, прослушки телефонов, подозрительных людей в штатском и запрещенных манипуляций с сиропом от кашля**. Строчки песен протеста, рок-н-ролла Чака Берри и прозы Керуака оказывались перемолоты и замешаны в единый коктейль на основе сарказма, паранойи и амфетаминов, изливающийся сплошным потоком сознания. Они сменяют друг друга, словно карточки-подсказки в знаменитом киноролике, снятом на эту песню режиссером Д.А. Пеннебейкером.

Это был текстовый коллаж, словно вдохновленный «методом нарезок» Уильяма Берроуза; настоящая встряска и прочистка мозга для всех честных фолк-любителей, которые были просто не в состоянии воспринимать такое количество разрозненных и парадоксальных образов и слов за единицу времени. Такая песня разрывала шаблоны,

* Первой «электрической» пластинкой Дилана был малоизвестный рокабилли-сингл "Mixed-Up Confusion", вышедший в декабре 1962 года, не имевший успеха и воспринятый как недоразумение.

** Строчка про Джонни, который «возится с лекарством в подвале» обозначает процесс дистилляции кодеина (опиата) из сиропа от кашля — нередкую практику для 1965 года.

сбивала с ног, лишала опоры. «Не следуйте за вождями, лучше следите за парковочными счетчиками», — язвил Дилан. Группа, сопровождающая Боба, звучит небрежно и расхлябанно — кажется, что музыка удерживается вместе одной лишь волей и концентрацией Дилана, его амфетаминовым угаром. "Subterranean Homesick Blues" не имела ничего общего с борьбой за мир или движением за гражданские права. Это был настоящий контркультурный гимн — с той оговоркой, что контркультура лишь зарождалась в американском обществе, бурлившем примерно так же, как напичканная образами и ассоциациями песня Дилана или запрещенные вещества в какой-нибудь домашней лаборатории.

Не менее дерзко и громко звучала разухабистая "Maggie's Farm", записанная «с лета» — то есть с первого дубля. Текст про нежелание гнуть спину на чужой ферме превращался в нечто большее, чем «оммаж» негритянским кантри-блюзам — в сердитом исполнении Дилана это был не побег, а бунт; орудие эксплуатации, гневно брошенное к ногам эксплуататора.

Характерно, что именно "Maggie's Farm" и "Subterranean Homesick Blues" были удостоены чести представлять альбом "Bringing It All Back Home" на синглах. И если первая так и не попала в американские хит-парады, то "Homesick Blues" стал первой в истории сорокапяткой Дилана, попавшей в чарты на его родине (пусть даже на скромное 39-е место*). Определенно, все говорило о том, что Боб Дилан начинает покорять поп-рынок.

«БИТЛОМАНИЯ БЕЗ ВОПЛЕЙ»: ПЕРВЫЕ БРИТАНСКИЕ ГАСТРОЛИ

Великобритания тоже ловила волну. Когда в конце апреля 1965 года Дилан приехал туда на первые полноценные гастролы**, его ожидал бурный прием — череда пресс-конференций и полуночных вечеринок. Атмосферу тура лучше всего передает доку-

* Интересно отметить, что даже такие очевидные «нетленки», как "Blowin' In The Wind" и "The Times They are A-Changing" не попадали в хит-парад США. Это лишний раз говорит о том, что поп-музыка и американское фолк-движение существовали в совершенно разных мирах.

** В 1964 году Дилан дал в Британии только один крупный концерт — его выступление в «Роял Фестивал-холл» было встречено такой овацией, с которой Боб никогда не сталкивался в родной Америке.

ментальный фильм «Не оборачивайся» ("Don't Look Back") режиссера Пеннебейкера. Можно видеть, как Боб подвергается атаке британских журналистов и представителей богемы, которым он был интересен, в первую очередь как новая знаменитость. «Ваши поклонники понимают хоть слово из того, что вы поете?», — честно спрашивает Боба известная журналистка Морин Клив, в то время как пожилая состоятельная пара приглашает музыканта посетить их поместье. Погруженный в этот водоворот, Дилан поначалу кажется похожим на смешливого школьника — есть ощущение, что ситуация его искренне забавляет. Можно видеть, что Бобу передается всеобщее оживление, однако при этом он никогда не выглядит полностью погруженным в обстановку, постоянно и деликатно ускользая от любых попыток представить его «рупором поколения» или втянуть в какие-то игры.

Окруженный постоянным и навязчивым вниманием англичан, Дилан довольно быстро начал терять терпение, и вскоре взял за привычку «троллить», испепелять и унижать самых навязчивых и бестактных собеседников своей язвительностью — остроумной, изобретательной и беспощадной. Было очевидно, что 23-летний музыкант получал удовольствие от того, что даже взрослые люди в беседе с ним выглядели как неуверенные школьники. «Боб вел себя просто отвратительно — но при этом блестяще. К тому моменту я уже поняла, что в беседе он может кромсать людей на кусочки...»^[10], — вспоминала пиарщица Антеа Джозеф, сопровождавшая Дилана во время британских гастролей*. Сам Дилан находил достаточно эпитетов в отношении местных журналистов: «Они задают неправильные вопросы в духе "Что ты ел на завтрак" или "Какой у тебя любимый цвет", в таком духе. Газетные репортеры — это просто отсталые авторы, романисты-неудачники. Они не задевают меня тем, что вешают на меня ярлыки. У них у всех есть готовые представления обо мне, так что я просто им подыгрываю»^[11]. Однако временами Боб уставал подыгрывать. После того как серьезному журналисту из Time удалось как следует поддеть его своими бестактными вопросами («Вас действительно волнует то, о чем вы поете?»), рассерженный музыкант пошел еще дальше: отбросив

* Ценным собранием свидетельств о Дилане является биография "Bob Dylan: Behind The Shades". Ее автор — Клинтон Хейлин, дотошный архивист, а также эрудированный и пронизательный автор, специализирующийся не только на Дилане, но и на истории панк-рока.

свою насмешливую учтивость, он продемонстрировал недюжинный апломб: «Я не фолк-сингер, но вам этого не понять! Я пою не хуже Карузо!».

В те моменты, когда Дилана не осаждали журналисты, он подвергался нашествию лондонской золотой молодежи, которая была абсолютно уверена, что самый главный фолк-поэт Америки хочет куролесить ночь напролет (на самом деле он активнее тянулся к печатной машинке, которая всегда была рядом, чем к новым знакомствам). Вечера в гостинице регулярно превращались в лихие сборища, на которых было полно как всевозможных прихлебателей, стремившихся самоутвердиться, так и настоящих знаменитостей. Сопровождавшая Дилана Джоан Баэз имела привычку петь при каждом удобном случае (даже когда Дилан усаживался за свою машинку), а юная поп-дива Мэриэнн Фэйтфулл, наследница Габсбургов и Леопольда фон Захер-Мазоха, просто тихо сидела в углу. Наркотики, как и девушки, тоже всегда были в зоне доступа — и они отнюдь не делали Дилана спокойнее. Нико, еще одна из многочисленных спутниц Боба, вспоминала, что во время божественных сборищ Дилан «выглядел ужасно. Он, как водится, был полностью удалбан, мрачен и спесив»^[12]. Фильм «Не оборачивайся» зафиксировал момент, когда не очень трезвый Дилан слетает с катушек во время вечеринки в роскошном номере отеля «Савой» — его терпение лопнуло после того, как один из перебравших гостей, запершись в ванной, начал швырять в окно роскошные стеклянные полки. Не очень высокий Боб, выставив грудь колесом, начинает по-пацански «прессовать» и допрашивать подозреваемого: «Кто бросил чертово стекло на улицу?! Мать твою, я сам не собираюсь огребать за это! Или ты мне скажешь, кто это сделал, или свалишь отсюда на хрен!»

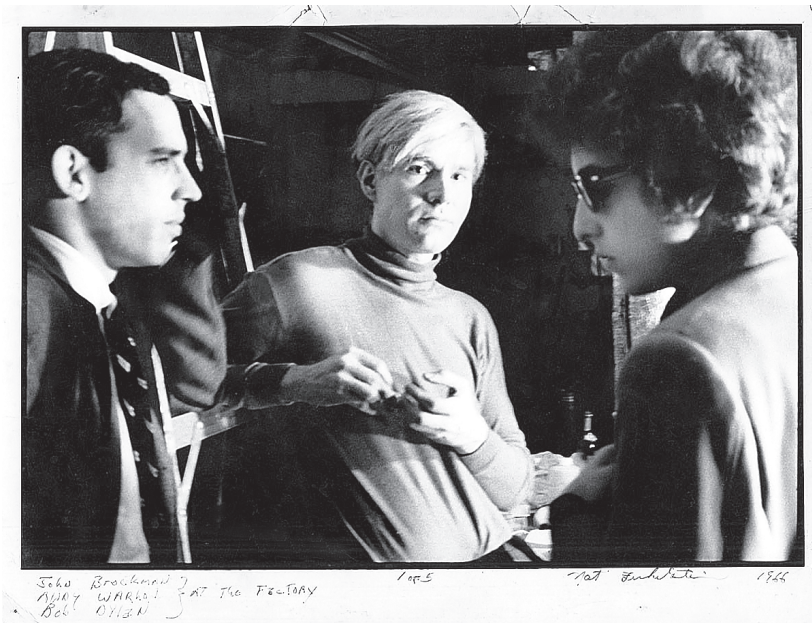
В то же самое время концерты Дилана проходили с настоящим триумфом. Бобу удавалось сотворить с англичанами то, что не удавалось даже Битлам. «Дилан обладал способностью создавать гробовую тишину. Даже шумные фанаты поп-музыки были повергнуты в молчание его словами, честностью его исполнений»^[13], — свидетельствовал музыкальный журналист Рэй Коулмен. Его репортаж с концерта, опубликованный в музыкальной газете *Melody Maker*, был остроумно озаглавлен «Битломания без воплей». Под впечатлением пребывала даже более серьезная британская пресса. «Есть лучшие певцы, лучшие гитаристы, лучшие исполнители на гармонике и лучшие поэты. Но нет другого 23-летнего моло-

дого человека, который мог бы проделать все это даже со слабым подобием такой же силы, оригинальности и огня»^[14], — восторгался Daily Telegraph.

Рэй Коулмен: «Когда этот хрупкий, серьезный и очень непримечательный человек вышел на сцену, имея при себе лишь гитару, семь гармоник и два стакана воды, воцарилась тишина. После каждой песни зрители аплодировали — громоподобно. Никаких криков, свиста или разговоров. Аплодисменты выключались почти механически, словно их закупоривали»^[15].

Можно было бы предположить, что и сам Боб, устав от светской жизни, отводил душу на концертах, общаясь с преданными зрителями и исполняя свои песни, однако это было не так: «Я все делал как надо — пел, играл на гитаре. Это был беспроигрышный вариант... Меня это очень утомляло... Я знал, что сделают зрители, как они будут реагировать. Все было на автомате»^[16]. Имея при себе только акустическую гитару, Дилан не мог атаковать публику своими новейшими боевиками вроде "Subterranean Homesick Blues" или "Maggie's Farm"; концертная программа была наполнена фолк-атавизмами вроде "The Times They Are-a Changing", "With God On Our Side" или дружелюбными хитами вроде "All I Really Want To Do".

К концу тура Дилан, похоже, ненавидел прессу, ненавидел мир знаменитостей и, что немаловажно, ненавидел самого себя. Из огня да в полымя: сбежав из лагеря фолк-исполнителей, он обнаружил себя в лагере поп-звезд, которые жаждали записать его в свои ряды. Дилану, который всегда стремился оставаться аутсайдером, теперь приходилось искать пути к бегству: «Я собирался завязать с пением. Я был опустошен. Я играл много песен, которые не хотел играть. Я пел слова, которые не хотел петь, — честно сообщал он журналистам несколько месяцев спустя. — Очень утомляет выслушивать, как тащатся от тебя другие люди, если ты сам от себя не тащишься»^[17]. Весной 1965 года Боб работал над поэтическим сборником и всерьез подумывал о том, чтобы переквалифицироваться из музыкантов в поэты.

**Боб Дилан, Энди Уорхол
и литературный агент
Джон Бронкман: встреча
на «Фабрике», 1966 год.**

**Боб Дилан во время
гастролей по Швеции,
апрель 1966 года.**

★ Tito Burns presents ★

BOB DYLAN

SPARKLING! ELECTRIFYING!

MANCHESTER ★
 FREE TRADE HALL ★
 TUESDAY MAY 17 1966

TICKETS 20/- AND 12/6 AVAILABLE FROM THE FREE TRADE HALL TICKET OFFICE

PERFORMING ACOUSTICALLY AND WITH HIS GROUP THE HAWKS

FOLK MUSIC CONCERT

Афиша выступления
 Боба Дилана
 и The Hawks
 в Манчестере
 17 мая 1966 года.

A major report on
THE NEW NUNS
 FREE DRUGS
 FOR ADDICTS?
**HORATIO
 HORNBLLOWER**
 Part two

BOB DYLAN:
 Rebel king of rock 'n' roll

Боб Дилан
 на обложке
 журнала Saturday
 Evening Post, июль
 1966 года.

The Magic Band
в середине 1966 года.
Слева направо: Джерри
Хэндли, Алекс Снауф-
фер, Дон Ван Влит, Даг
Мун и барабанщик Пол
Блейнли. *Michael Ochs*
Archives / Getty Images

Shame.
You didn't trust your mothers.

The Mothers of Invention go
'ABSOLUTELY FREE'
on *Verve* records

Газетная реклама
альбома **The Mothers
Of Invention «Absolutely
Free»**, 1967 год.

Обложка французского переиздания альбома Captain Beefheart and his Magic Band «Safe as Milk», 1969 год; фотография выступления группы в Каннах.

CAPTAIN BEEFHEART (left) and THE MAGIC BAND. Their next LP is a double album set to be issue on Verve.

Газетная реклама грядущего двойного альбома Капитана Бифхарта и The Magic Band, 1968 год.